

Лю Сычэню тоже стало не по себе: никто его не слушал. Он тут же поднял голову и как раз увидел подбегающего Лю Чансина. Лю Сычэнь схватил его за руку:

— Брат Чансин, нужно срочно отнести третьего дядю к ручью! Живее!

Едва Лю Сычэнь выговорил это, как мама А-Хуа внезапно вскрикнула. Обернувшись, он увидел, что третьего дядю свело судорогой, а из уголков рта пошла пена. Испугавшись, Лю Сычэнь тут же открыл аптечку, достал бутылку спирта, вытащил пробку и вылил на большой кусок марли. Затем быстро подошел к третьему дяде и нанес спирт на его лоб, шею и грудь.

— Брат Чансин, поднимайте его! — крикнул Лю Сычэнь, не переставая работать руками.

Лю Чансин на миг застыл, но не стал спорить и тут же подхватил третьего дядю под руки. Лю Сычэнь знал, что Чансину одному не справиться, потянул кого-то из толпы и, не глядя, крикнул:

— Речь о спасении жизни, скорее помогайте брату Чансину!

Тот, кого он вытащил, не проронил ни слова и тут же поднял ноги третьего дяди вместе с Чансином. Лишь тогда Лю Сычэнь разглядел, что это был Гу Яо.

Гу Яо, по-прежнему одетый в черное, вместе с Лю Чансином подняли человека. Зеваки наконец опомнились и бросились помогать. Через две минуты третьего дядю уже опустили в прохладную воду ручья.

Лю Сычэнь снова командовал: велел Гу Яо приподнять ноги третьего дяди повыше, а Лю Чансину — поддерживать голову. Он снял принесенную фляжку: там была настойка хосян, которую дедушка Лю варил утром. Лю Сычэнь поддержал подбородок третьего дяди, разжал ему челюсти и по каплям вливал лекарство, помогая проглотить.

Закончив с лекарством, Лю Сычэнь достал из дедушкиной аптечки триста миллилитров раствора глюкозы. Инъекций он еще не умел делать, поэтому просто открыл бутылку и по каплям влил раствор третьему дяде.

Тело охлаждалось, глюкоза подействовала — холодный пот на лбу третьего дяди наконец высох, дыхание, слабое до этого, стало ровнее, а бледность лица сменилась румянцем. Лю Сычэнь велел перенести его в тень, а А-Хуа — раздеть отца и обтереть его водой из ручья.

Когда третий дядя наконец пришел в себя, толпа постепенно успокоилась. Все с изумлением смотрели на ребенка, который всё еще бегал вокруг третьего дяди, отдавая распоряжения. Ведь это же пятилетний карапуз, который даже в школу ещё не ходил!

Когда дедушка Лю вернулся к въезду в деревню, его тут же окружили, наперебой хваля. Пока дедушка разбирался, что случилось, и отбивался от крестьян, чтобы вернуться домой, на улице уже совсем стемнело. А в это время Лю Сычэнь всё еще был в доме А-Хуа, где его угощали ужином.

У мамы А-Хуа родня была из соседней деревни, семья зажиточная. Выдать её замуж в деревню Люцзя считалось понижением статуса, её родня мужа не жаловала, и она сама редко туда ездила. Муж для неё был всем, а когда третий дядя упал, она перепугалась до смерти. Теперь, когда он пришел в себя, она тоже выдохнула и настрого настояла, чтобы Лю Сычэнь, Лю Чансин, Черная Обезьяна и Гу Яо зашли к ним на ужин.

— Наш Сычэнь умным с малых лет пошел, кто бы подумал, что в таком возрасте уже у дедушки перенимает. Настоящий небожитель, сошедший с небес, — с нежностью сказала мама А-Хуа, ласково погладив мягкие волосы ребенка. Глаза её наполнились любовью — даже на А-Хуу она так никогда не смотрела.

Лю Сычэнь скромно ухмыльнулся:

— Это брат Чансин да остальные сноровистые, я всего лишь дяде водички влил.

Сказав это, он украдкой поглядел на черноволосого юношу, сидевшего рядом.

Гу Яо позвала мама А-Хуа, и Лю Сычэнь был удивлен, увидев, что юноша пришел. Он-то думал, что тот слишком горд, чтобы ходить в чужие дома и есть с незнакомцами.

Но Гу Яо не только пришел, но и молча сел за стол, чувствуя себя словно дома.

Лю Сычэнь снова заинтересовался парнем, но вспомнил, как в прошлый раз в бамбуковой роще его застали за сплетнями о нём, и ему стало неловко. Пришлось крутить глазами, наблюдая за ним краем зрения.

В доме А-Хуа особых яств не было: каша из грубого зерна, жареный лук-порей почти без масла, тарелка соленой редьки, а мама А-Хуа специально для детей испекла по желтому паровому бублику. Для деревни Люцзя это был отличный ужин, и дети ели с аппетитом.

Когда Лю Сычэнь доел, на улице уже совсем стемнело. Он решил, что дедушка уже дома, и затеял возню, собираясь домой. Лю Чансин взял его аптечку, и вместе с Черной Обезьяной они пошли его провожать. Гу Яо сидел неподвижно; когда они ушли, он тоже встал, чтобы уходить, но краем глаза заметил флягу на стуле у А-Хуа и на миг задержался.

Мама А-Хуа тоже увидела флягу и тут же забеспокоилась:

— Ой, да это же фляга Сычэня! Там лекарство, нельзя её терять.

А-Хуа уже отправили к отцу присматривать, мама собиралась пойти звать её, но Гу Яо шагнул вперед и взял флягу. В тусклом свете масляной лампы черноволосый юноша выпрямился, улыбнулся маме А-Хуа и сказал:

— Тетя, я сам отнесу. А-Хуа сегодня испугалась, не надо её тревожить.

Лицо юноши, всегда такое холодное, вдруг оттаяло, легкая улыбка словно принесла свежий бриз. В свете лампы он казался полным юношеской энергии и обаяния.

Мама А-Хуа на секунду замерла, потом очнулась и вежливо кивнула:

— Тогда спасибо тебе, Сяо Гу. Только возвращайся пораньше.

Гу Яо кивнул, взял флягу и шагнул в летнюю ночь.

Тем временем Лю Сычэнь с ребятами спешили, но на полпути встретили дедушку Лю, который вышел за внуком.

— Дедушка, — поприветствовали Лю Чансин и Черная Обезьяна и собрались уходить. Темнело, пора было домой, иначе родные начнут волноваться.

— Идите скорее, я Сычэня заберу, — ласково улыбнулся дедушка Лю, взял аптечку и взял внука за руку.

Когда Лю Чансин и Черная Обезьяна ушли, дедушка Лю не пошел домой сразу. Лицо его стало строгим, он поднял Лю Сычэня на руки.

— Дедушка... — Лю Сычэнь только тут заметил, что дедушка чем-то недоволен. Он с неуверенностью посмотрел в серьезные глаза деда и заерзал попой, чувствуя тревогу.

— Сычэнь... — дедушка Лю посмотрел на ясные, чистые глаза внука в лунном свете и покачал головой. — Помнишь, я говорил тебе, как надо учиться медицине?

— Сердце милосердного, строгость ученого, врач не имеет права на ошибки, и нельзя лениться, — с серьезным видом ответил Лю Сычэнь, нахмутив брови.

Дедушка кивнул:

— Я знаю, что ты смысленый, даже умнее, чем я ожидал. Но сегодня, хотя ты и спас человека, я должен тебя отругать.

— Я... — Лю Сычэнь опустил голову, теребя пальцы.

— В древности мудрецов было много: Цао Чун в шесть лет взвесил слона, Сыма Гуан в семь лет разбил бочку, Цао Чжи в десять лет читал «Шицзин», «Лунь Юй» и стихи эпох Цинь и Хань. Я никогда не считал, что твой ум — это что-то плохое, — дедушка Лю замолчал на мгновение, его теплая сухая ладонь легла на лоб внука. — Но мы другие. Мы лекари. Важно постоянно носить в сердце милосердие, важно строгость в учении, но есть еще одна важная вещь. Знаешь, какая?

Лю Сычэнь потерянно покачал головой. В прошлой жизни он не имел дела с профессией врача, и вопрос деда его озадачил.

— А ты думал, что было бы, если бы сегодня отец А-Хуа не выжил? В какое положение ты бы попал? — дедушка Лю нахмурился, в его глазах читалась противоречивая смесь упрека, боли и решимости.

— Они... — Лю Сычэнь сморщился, в глазах проскользнул страх.

— Слово людей страшно, Сычэнь. Деревня Люцзя — маленькая деревня, у крестьян нет широкого кругозора. Сегодня ты спас отца А-Хуа, и они говорят, что ты вундеркинд, божественный врач, сошедший с небес. О будущих неприятностях мы пока молчим. Но если бы ты сегодня не спас его, ты знаешь, что бы они сказали? — дедушка Лю говорил сдержанно.

<http://bllate.org/book/16485/1497957>